

Армен
Джигарханян:

«Я СТАВЛЯЮ

ЗНАК ВОПРОСА...»

Существует три пути самосовершенствования, — считал Сенека, — размышление — самый благородный, опыт — самый трудный и подражание — наиболее простой и соблазнительный... Какой из них выберем мы? Джигарханян предпочитает первый. Я не настаивала на интервью в полном смысле слова. Актер просто согласился поразмышлять вслух, причем вне «оригинальной» тематики «Кто виноват?» и «Что делать?». Сегодня лучше не сказать ничего, чем повторить заведомую банальность. Джигарханян не произнес ни слова о политике. «Это очевидно», — ставил он твердую точку и продолжал говорить об ином — неочевидном, мучительном и не менее важном.

— Армен Борисович, чего вы опасаетесь сейчас, когда мы с честью выдержали столь страшное испытание!

— Скорого суда. Несерьезного решения серьезнейших проблем. Мы всегда спешим с позорным столбом. Как можно делать выводы, если даже информация не избавлена еще от противоречивости? Постоянно выясняются новые детали. Я привык уделять львиную долю внимания именно частностям и подробностям. Мы с вами договорились, что политическая окраска событий бесспорна. Давайте сразу вынесем ее за скобки. Там, где сама жизнь назвала победителя, нет необходимости в дополнительных аргументах. Я не ставлю ни на чью карту, хотя прекрасно понимаю, в каких руках козыри. Меня не интересует сиюминутный выигрыш. Обвинять или восхвалять кого-либо задним числом я тоже не хочу: отматывать время назад, зная результат, и при этом оставаться объективным — невозможно. Меня волнует: что в скобках?.. Древо политики должно приносить вполне осязаемые и съедобные для человека плоды. Не надо обгонять время в скоропалительных суждениях. Круг моего общения очень узок. Всякую информацию я пробую «на зуб». Стараюсь подавлять в себе эмоции и поощрять сомнения. И тем не менее сам ужасаюсь собственной необъективности. Поэтому избегаю оценок — впоследствии за них может быть совестно.

— Согласны ли вы с утверждением, что все мы вошли в новую эпоху?

— Разумом понимаю, но не могу пока ощутить ткань этой новой эпохи. Не отпускает подозрительное чувство повторения. Кажется, будто все уже было: и бегущие люди, и военная техника, и крики, и подвиги, и массовое ликование, и массовая ненависть... Будто подобное развитие сюжета уже попадалось мне в каком-то историческом романе, а эти лица сошли с ленты кинохроники, чужой и старой... Россия настойчиво повторяет один и тот же пассаж. Он всегда драматичен, но давно на слуху. Чем меньше мы будем поддаваться произвольным порывам, тем скорее разобьем цепь из одинаковых звеньев, и страна перейдет в новое качество.

Я не верю похожему друг на друга людям, событиям, идеям. Знаете, в многочисленных рассказах о встречах с инопланетянами для меня есть один очень уязвимый пункт — это когда описывают их человеческое обличье. Конечно, внешние цивилизации, по логике вещей, должны существовать, но здесь я останавливаюсь и понимаю, что в качестве доказательства приводится не реальный факт, а довольно убогая фантазия. Простое тиражирование, воспроизведение себе подобных противоречит прогрессу. Я хочу наконец почувствовать новизну! Ярче всего она, кстати, проявляется в повседневных мелочах и частностях. А принципы... Идем к светлему будущему. Но ведь мы туда уже однажды ходили...

— Ваше внутреннее состояние звучит, по-моему, диссонансом к настроениям в обществе...

— Мне бывает порой невероятно грустно. Невероятно. Может быть, об этом не стоит писать. Сегодняшняя ситуация для меня неоднозначна. Болезнь вырвана, но метастазы остались и могут заразить еще множество здоровых умов. Поэтому вместо восклицания я ставлю знак вопроса. Многомного знаков вопроса. И главный среди них: что будет завтра?

— Чья судьба вас особенно тревожит?

— И победителей, и побежденных. Я боюсь, что и тем, и другим недостает искренности. Позиция большинства ясна, благородна, уважаема. Еще

раз оговариваюсь, что не буду касаться очевидного. Смущают лишь некоторые нюансы. Я смотрю на яростно обливающего, знакомого мне человека и вспоминаю, как совсем недавно он колебался, чью сторону ему принять. Неужели так поразительно быстро переродился? Мой друг, народный депутат, усердно нажимал кнопки на съезде. Чувствует ли он свою ответственность за случившееся?

«Связь времен» буквально за несколько дней распалась в нашем сознании. Я смотрю на тех, кто в течение трех кошмарных суток защищал российский парламент. Меня потрясло их мужество. Народ впервые не покорился, наступил и грозно взглянул на обидчика исподлобья. Но состояние «народа» (он же при других обстоятельствах — «толпа») — не самое естественное состояние. Мы собираемся вместе в критические моменты, а потом «народ» опять распадается на отдельных людей. И оказывается, что бок о бок с тобой были личности далеко не идеальные, жить рядом с которыми в нормальных условиях иногда невыносимо. А ведь мы стремимся наконец-то именно к нормальным условиям. Нельзя долго опираться на «человека с ружьем», увлеченного красивой идеей.

В те три августовских дня каждый отстаивал не только свободу страны, свободу ее законных лидеров, но в первую очередь — свою личную свободу. Теперь нужно ею распорядиться и желательнее не в ущерб соседу. Я интуитивно ощущаю в обществе гнетущую атмосферу затаенных обид. Не всякому человеку дана от природы способность анализировать. У многих ее старательно выбивали на протяжении всей жизни. Поэтому, когда ради высших целей нарушается их привычный уклад, рушится крохотный мирок их относительного покоя и самоуважения, они громко кричат от самой настоящей боли. Слава Богу, есть ветераны, которые после опечачивания Совета могут сесть и твердо сказать себе: «И поделом!». Но ведь некоторые до сих пор продолжают жить той войной, ничего другого у них нет. Книжечка для магазинов и автозаправочных станций, выступления в школах, 9 мая у Большого театра... Отнимешь все это, и человек окажется в ва-

кууме. Вот оттого-то мне и грустно. Я хочу, чтобы политика и мораль пришли в некое соответствие. Чтобы возможно меньше людей было задето и обижено. Вчера смотрел фильм Семена Арановича «Я служил в Храме Сталина». Вся эпоха сконцентрирована в одном фантастическом образе! Тут не так важны его слова, как слезящийся глаз, гармошка, больная жена... Увы, люди редко меняются. Тем паче их нельзя изменить насильно. Всех выродков из общества не повыкидываешь, это очередная утопия. Практически в каждом из нас живет такой выродок. И во мне он живет. Когда не могу по старым каналам решить какой-то чисто бытовой вопрос, порой ловлю себя на мысли: «Насколько же раньше было проще...»

— Страна отсекает рудименты косных политических форм. Какие моральные, нравственные, психологические клише нам предстоит преодолеть в своем сознании?

— И в сознании, и в обществе прежде всего — абсолютную разобщенность. Между мечтой и невозможностью ее осуществления, которая коверкает человеческую психику. Между словом и делом. Между речами во славу свободы и тайной тоской по новому «хозяину». Между теми, кто генерирует идеи, и теми, кто ими живет. Между интеллигенцией и «простыми» людьми. Даже, пусть не прозвучит кощунственно, между победителями и побежденными. Но главное — между нами и нашими внуками. Внуками и тех, и других. Когда я слышу обвинения в адрес какого-либо «Иванова», обвинения право-

мерные и справедливые, я вспоминаю, что у него есть семья, есть, наверное, внук — «Иванов»-младший. О нем тоже надо подумать.

— А может быть, самому «Иванову» стоило вовремя подумать о незапятнанном имени своего внука!

— Вы правы, не спорю. Но раз уж он не подумал. Или скорее всего подумал, да не о том — в силу извращенности взглядов, оскотенного мышления, накрепко вбитой ему в голову своеобразной системы ценностей. За исключением патологических уродов, я думаю, люди в своих начинаниях руководствуются благими намерениями. Хотя бы лично для себя. Просто «Иванов» всю жизнь неверно ориентировался. Защищая его внука, мы защитим самих себя. Из полуманьях судеб не составят здорового общества. Нет никакого абстрактного гуманизма — ни коммунистического, ни церковного! Есть конкретная, разумная, в чем-то даже эгоистичная доброта и терпимость к тем, от кого очень хочется отвернуться. Сын за грехи отца все равно отвечает, отвечает морально и психологически. Это закон природы, и ни один благодетель человечества никаким указом его не отменит.

Внуку «Иванова» предстоит пройти через болезненное испытание. Но потом комплекс вины исчезнет, что-нибудь да спасет человека, и скорее всего это будет любовь. А сегодня мы ответственны за его судьбу. Каждый из нас ответствен за судьбу всех наших детей.

Я только что набрал курс во ВГИКе. Принял на десять человек больше, чем положено, из

простого сочувствия. А теперь просыпаюсь в холодном поту: а может, нужно было вести отбор жестче, не давать неоправданных авансов? Если из моего студента вырастет плохой актер, неудачник, обремененный на себя, на режиссера, на весь свет, то эта роковая ошибка ляжет на мою совесть.

— Меня восхищает ваше умение находиться «над схваткой». Как вам удается сохранять хладнокровие!

— Я нормальный человек и подвержен всем обычным человеческим порокам. Как и абсолютное большинство моих сограждан, я всю жизнь приспособился. Но тут уж выбирать не приходится: в лифте тоже изгибаешься так, как того требует теснота. Я, разумеется, самолюбив, иногда мелочен, и, выходя на сцену, подспудно стараюсь доказать, что не просто хороший актер, но лучше такого-то и такого-то из моих коллег. Это чувство по мере сил надо обуздывать.

Я не самый политически «грамотный» человек и многого не понимаю в нашей сегодняшней жизни. Слышу по телевизору: «Убито 13, ранено 20...» — и не знаю: это ТЕ сделали или ЭТИ не сделали? И, конечно, хладнокровие периодически мне изменяет. Например, 55 лет из своих 56 я видел памятник Дзержинскому. Теперь его снесли, но я могу приветствовать это событие только разумом. Обман рассеялся, но изначально-то мы были обмануты, грубо и нагло. Разве такое можно забыть? Радости нет, есть саднящая в душе обида.

Я стараюсь оставаться честным прежде всего перед самим собой. Не насиловать себя, не спешить «перестраиваться» в заданном темпе. Хочу, пусть медленно, но глубоко понять и пропустить через себя последние события. Кроме того, я уже говорил, что привык все верить со смирением — «разменивать сторублевку по рублю», есть такая армянская поговорка. Ко всем «грандиозным» свершениям я подхожу со своей «примитивной» меркой. Для меня важно: соприкасаются ли хоть как-то политика и чистота? Политика и наше уважение друг к другу? Как правило, этот «размен» разочаровывает. Сомнения здорово портят мне кровь. Но вот побеседовав с вами, высказался, стало спокойнее на душе. Вечером выйду на сцену,

как наркотик приму на три часа... Я надеюсь только на себя. Помните, у Шекспира: «Жизнь — это пьеса, написанная дураком. В ней много шума и ярости, но нет никакого смысла». Смысл надо искать в самом себе.

— Армен Борисович, в нашем разговоре мы не обращались еще к наиболее близкому для вас предмету — театру. На всех политических триумфах он попевает к «шапочному разбору» и не только не приобретает новую аудиторию, но и рискует опять расстаться с какой-то частью зрителей.

— В театр просто не ходят. Он не интересен. Я уговариваю себя, что это естественный процесс, и маятник, дойдя до крайней точки всеобщей политизированности, скоро покачнется вспять. Нельзя бесконечно смотреть только съезды и сессии. Там низкопробная драматургия, вялая режиссура и бездарное исполнение. И вообще нет МУЗЫКИ. Нам не нужно, «задрав штаны», бежать за злободневностью. Русский театр так неповоротлив, что все равно отстанет. Лучше уж не трогаться с места и продолжать делать свое дело. Я часто высказываю одно убеждение, не упущу возможности повториться и сейчас: театр призван говорить о любви. Обратное пропорционально количеству любви в обществе. Если мы верим нашим политикам, значит, верим и в их любовь к стране, к народу. Только любовь способна противостоять смерти, а ведь вокруг нас, совсем рядом, ежедневно гибнут люди.

Театру нужно набраться терпения и ждать. В политической драме окончился первый акт, но никто не знает, каким будет финал пятого. Появляются новые герои, исчезают бесследно бывшие персонажи. Достаточно того, что у всех путчиков были плохие лица, а Бог предпочитает классические формы драматургии, где негодяи всегда заклеены и обречены. Впрочем, в его сюжетах тоже встречается элемент случайности, который мы по легкомыслию не учитываем. Не надо забывать, что иногда он оказывается решающим... — Кого вам было по-человечески жаль в те августовские дни и кого жаль сейчас!

— Горбачева. Вернее, «жадность» была бы уж чересчур большой самонадеянностью с моей стороны. Я испытываю к

нему сострадание, ощущаю своего рода внутреннее «родство» с этим человеком. Я всегда воспринимал его как трагическую фигуру и теперь вижу, что не ошибся. Чувствовалась, даже в самые благополучные времена, некая неадекватность его личности окружающим его людям, настроениям в стране. Вообще-то я стараюсь не впускать политиков в свою душу, там у меня подобралась более интимная «компания»: писатели, поэты, художники. Но Горбачев мне все более интересен. Я — актер, для меня первостепенно не мнение, а впечатление. Горбачев ярок и богато одарен природой. Он, несомненно, талантлив, а талантливому человеку многое приятно прощать. Отказываться сейчас от его «услуг» в качестве президента, по-моему, бессмысленно.

Я очень люблю одну старинную притчу. Деревенскому крестьянину наскучила оседлая жизнь, он бросил семью, дом и отправился странствовать. Шел до позднего вечера, устал и улегся спать головой в ту сторону, куда собирался держать путь дальше. Но во сне случайно перевернулся и утром, ни о чем не подозревая, пустился обратно. Минутное ослепление миновало, он уже проклинал свою горячность, брел еле-еле, с тоской вспоминая домашний очаг и лица родных. «Господи! — взмолился он наконец, — пошли мне на пути такую же тихую деревушку!» Вдруг видит, открылось под горой селение — точь-в-точь покинутое им. «И домик бы вроде моего...» — попросил крестьянин. Глядь, стоит дом, как две капли воды похожий на его собственный. «И семья бы мне еще, Господи...». Вышла из дома жена, выбежали дети. Крестьянин остался с ними и до самой смерти зарекался от странствований, но всю жизнь грустил и горевал о тех, брошенных им — «настоящих» — жене и детях...

Как бы и нам со своей опрометчивостью не запутаться окончательно. За ошибками Горбачева, мне кажется, не следует искать злого умысла. Он не коварен, а наивен. Слабости его, по-моему, как раз в приобретенных качествах, природный же стержень в нем прям и крепок.

Беседу вела
Елена ЯМПОЛЬСКАЯ.
Фото В. Кузнецова.